Ю. ИВАНОВ

РОЛЬ ТРУДА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Москва, 2017

УДК 341.7
ББК 63.3(Рос=Рус)
И39

Ю. М. Иванов.

И39 Роль труда в истории человечества / Ю. М. Иванов. – Москва: Е. В. Карпов. 2017. – 36 с.

ISBN 978-5-9598-0185-4

С тех пор как в 1952 г. окончил философский факультет МГУ, не могу припомнить руководителей ведущих философских учреждений, которые до этого изучали философию.

В годы учебы деканом философского факультета МГУ и руководителем кафедр диамата и истмата был не учившийся в институтах З. Я. Белецкий. Злобные разносы, посвященные трактовке философских проблем, писали для него подчиненные.

В те же годы законодателем моды в институте Философии АН СССР был нынешний академик А. Г. Спиркин, под руководством которого создавался учебник строительства коммунизма для интересовавшихся этим вопросами жителей других планет.

Получив по окончании факультета волчий билет, сам философией больше не занимался.

Лишь случайно узнал, что работающий в Институте философии РАН член-корреспондент РАН А.В. Смирнов то ли по невежеству, то ли по глупости, утверждает, что до него никто понимал смысл философии.

Зная, какой вред приносят свихнувшиеся члены академии, решил написать эту книгу.

ISBN 978-5-9598-0185-4

До середины XIX века считалось, что мысли руководят поведением людей. Говоря словами Ф. Энгельса, «сознание людей определяло их бытие».[1] То же самое утверждает, считая себя первопроходцем, член-корреспондент РАН А.В. Смирнов.

На ошибочность подобных суждений первым указал К. Маркс. Исходя из фактов, открытых Ч. Дарвином, он высказал предположение, что в жизни человечества решающая роль принадлежит труду. «Первый исторический акт этих индивидов, – писал Маркс, – благодаря которому они отличались от животных, состоял не в том, что у них появились мысли, а в том, что они начали производить себе средства для существования».[2] Причем этим занимались не одинокие индивиды, не «Пятницы», облюбовавшие безлюдные пространства, а рождавшиеся первобытные коллективы.

Подтвердить либо опровергнуть эту гипотезу мог бы анализ роли совместного труда на всех этапах истории человечества. Но в середине XIX века о нем было мало что известно. Началом изучения послужило исследование капитализма, проведенное Марксом, в ходе которого были выявлены закономерности, присущие не только капиталистическому обществу, но и те, которые прослеживались на протяжении всей истории человечества.

В связи с этим Энгельс писал: «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей. Их дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение

---

[1] Энгельс Ф. Маркс К. К критике политической экономии М. 1951. С. 230.

[2] Маркс К. Нищета философии. Т. IV С 72

исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме»[3].

Подобное изучение исторического процесса не исключало появления ошибочных утверждений, обусловленных как отсутствием конкретных фактов, так и неверной их трактовкой.

Научных исследований, лишенных неточностей, не бывает. Не упоминать из-за этого заслуг их авторов, к чему призывает член-корреспондент А.В. Смирнов, – позорное занятие. Они навсегда, останутся в памяти благодарного человечества.

Производство постоянно вносит поправки в неверные представления людей, вынуждая их принимать нужные решения. Примером могут служить меры Франклина Делано Рузвельта по преодолению экономического кризиса начала 30-х годов прошлого века в обстановке, когда казалось, что частный капитал бессилен что-либо изменить. *Не считаясь с этим, Рузвельт сделал ставку на* частный капитал, поручив ему исполнять финансируемые государством работы. В итоге капитал получал прибыль, безработные – заработок. Оживившийся рынок обеспечил экономический подъем, упрочненный войной против фашистской Германии и советской России.

Историческая заслуга Рузвельта заключалась не в том, что вместе с ростом доходов рабочих росла прибыль владельцев частного капитала (во время подъемов производства так было всегда), а в том, что такое сочетание стало непрерывным.

Основным виновником непрекращавшегося подъема производства был частный капитал. Перед человечеством впервые открылась возможность избавиться от нищеты и связанных с ней бедствий. Неслучайно сегодняшний уровень жизни населения США один из самых высоких в мире.

То, что частный капитал является источником прогресса, сегодня не вызывает сомнения. Любые попытки ограничить его деятельность с помощью государственных мер кончались страшными бедствиями, сопровождавшимися грабительскими войнами.

---

[3] См. Энгельс Ф. Маркс К. К критике политической экономии ... С. 236

Судьба марксизма трагична. Прикрываясь его заветами, власть захватывали те самые деклассированные массы, которых Маркс и Энгельс называли непримиримыми врагами рабочего класса.[4]

Ирония истории. Об их кровавых преступлениях сегодня знают все. Однако в России среди российских философов до сих пор бытует уверенность в том, что Ленин был подлинным марксистом!

Это мнение разделяют даже те, кто проводит последовательные марксистские исследования. Примером может служить академик В.Л. Лекторский, который по привычке, как было не раз в прошлом, пишет, что «анализ сложных проблем философии «в классической форме» был осуществлен В.И. Лениным»[5]. Но осуществить такой анализ Ленин не умел и не хотел.

Под видом защиты материализма он отстаивал представления *субъективного идеализма. Свидетельство тому – известная его* работа «Материализм и эмпириокритицизм», в которой доказывается, что вызванные вещами «ощущения изображают существо вещей»[6]. Не изучавшим философии ошибочность подобных утверждений простительна, но философ обязан знать, где начинается идеализм.

Первым, кто вскрыл несостоятельность утверждений Ленина, был Г.В. Плеханов, доказывавший, что не ощущения раскрывают суть вещей, что эту задачу всегда выполняли проверенные трудом абстракции, которые на ранних этапах истории человечества записывались еще не словами, а условными знаками, символами, иероглифами.[7] Развитие членораздельной речи опережало способы ее записи.

Упоминание факта об идеализме Ленина вряд ли заслуживало бы внимания, если бы член-корреспондент А.В. Смирнов, подобно

---

[4] См., например, Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса Интернационала. Август 1873. Т. 18.

[5] Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М. 1980. С. 305.

[6] Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм Т. XIII С. 190.

[7] Там же. С. С. 190.

большинству философов, не избегал деления философов на *материалистов и идеалистов в обстановке, когда политику* Президента от имени бога одобряет Патриарх.

Благодаря телевидению и радио, аудитория Патриарха огромна. Научное обоснование божественного происхождения всего живущего на земле пытается предложить Смирнов, доказывая, что окружающий нас мир создается нашими представлениями о нем. Согласно его заявлениям, самый главный вопрос познания заключается в том, почему мы полагаем вещи и как именно мы полагаем их.[8] Ответ на него на редкость прост: «Вещи как вещи всегда «сделаны» (полагаемы) нашим сознанием».[9] *Истина возможна лишь в пределах сделанного* субъектом логико-смыслового выбора»[10]. Не зная философии, А.В. Смирнов утверждает, что он первый сумел раскрыть причину сотворения мира.[11] К его разочарованию таких самозванцев, как он, история философии знает немало. То, о чем он пишет, еще в XVII веке утверждал протестантский епископ Джордж Беркли, сказавший: Esse – pergi (Быть значит быть в восприятии).

Не меньший невежда член-корреспондент А. В. Смирнов и в области востоковедения, о чем мы расскажем ниже.

Как известно, изучая первобытную историю, Энгельс считал, что «исключительно охотничьих народов, какими они описываются в книгах, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна».[12]

То, что «добыча от охоты ненадежна», не вызывает сомнения. Но на первоначальном этапе развития человечества были места, где находилось много животных, охота на которых дополнялась сбором съедобной растительности и лесных плодов.

Об этом, в частности, свидетельствуют следы Алтайской цивилизации, к совместному изучению которой призывает

[8] Смирнов А. В. Событие и вещи. М. 217. С. 6-7.

[9] Там же С. 203.

[10] Там же С. 216.

[11] Смирнов А. В. Сознание. Логика. Язык. Культура смысла. М. 2015. С. 10

[12] Маркс К. Энгельс Ф. Т. 21, С. 29.

Президент Киргизской Республики Алмазбек Атамаев. Ее территория включала Фергану, простиралась от Алтайского хребта на Юге до Тянь-Шаня на Севере. Служивших пищей флору и фауну находили в горах, в пустынях и в степях. Своей родиной киргизы считали горы Тян-Шаня. Они, гордились тем, что здесь «с их пуповины капала их кровь». Жилищами служили пещеры.

Настоящего голода они не знали. С точки зрения изобилия источников питания такие уголки были редкостью. Наименее трудоемким занятием считалась охота на многочисленных оленей, горных козлов и баранов.

Рядом с поселением произрастали фруктовые деревья: сладкие по вкусу сливы, вишни, яблони, урюк (абрикосы), калина, грецкий орех, но на зиму собирали не более 5-10% созревшего урожая. В лесах в изобилии водилась птица, в водоемах рыба, но тех и других не ловили по причине больших затрат труда. По этой же причине не собирали грибов, некоторые виды ягод (землянику, смородину), дикорастущие лук и морковь. Любили мед, но пасек не устраивали, пользуясь найденными сотами диких пчел[13].

Бесчисленные рисунки наскальной живописи дают достаточное представление об охоте с использованием палок и камней. По свидетельству Б. М. Зимы, «наскальные рисунки Соймалы-Таш имеют общие или сходные элементы с наскальной живописью ряда мест Узбекистана, Казахстана и Урала»[14]. В них широко представлены сцены охоты, засады, облавы, преследование зверя, охота с различными ловушками.

Подобные наскальные рисунки обнаружены на всех континентах, подтверждая тем самым единство становления человека независимо от различий его предков – человекообразных обезьян. Не обезьяны порождали различия в развитии человека, а способы его труда.

«Сначала труд, – пишет Энгельс, – а затем и вместе с ним членораздельная речь, явились двумя главными стимулами, под

[13] Кушнер П. (Кнышев) Горная Киргизия (социологическая разведка) М. 1920. С. 10, 31-32, 36.

[14] Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе. 1975. С. 183.

влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»[15].

Наскальные рисунки, о которых мы пишем, относятся, к периоду, когда членораздельная речь еще только зарождалась в *процессе совместного* труда. Они *наглядно показывали*, что и как нужно делать, чтобы добыть корм. По своей выразительности они до сих пор не уступают лучшим картинам современной живописи.

Под влиянием труда менялось значение органов чувств. В распознавании вкуса пищи уменьшилась роль обоняния, зато увеличилась, роль языка. Особенно большое значение приобрело зрение и тактильные ощущения.

«Одно и тоже «я», – пишет Энгельс, – вбирает в себя все эти различные чувственные впечатления, перерабатывает их, и, таким образом, объединяет в одно целое; а с другой стороны, эти различные впечатления доставляются одной и той же вещью, выступают как ее совместные свойства и дают таким образом возможность познать эту вещь. Объяснить эти различные, доступные лишь различным органам чувств свойства, привести их во внутреннюю между собою связь является задачей науки, которая до сих пор не жаловалась на то, что мы имеем вместо пяти специальных чувств, одного общего чувства или что мы не способны видеть либо слышать запахов и вкусов»[16].

Для познания отдельных свойств и их внутренних связей действительно достаточно пяти органов чувств, но их сущность не может быть установлена без появления в мозгу абстракций, истинность которых подтверждалась совместным трудом.

Не замечая того, что следуют заветам Энгельса, все институты РАН выясняют и создают внутренние связи применительно к нуждам развития российского производства. Единственное исключение – институт философии РАН, сотрудник которого член-корреспондент А. В. Смирнов сам выдумывает связи из своей головы.

---

[15] Энгельс Ф. Диалектика природы. М. 1948. С. 137.
[16] Там же. С. 187

В отличие от человекообразных обезьян, чье познание окружающего их мира начинается и кончается совместным присвоением корма, включающим использование палок и камней, которые они тут же выбрасывают, у человека тот же процесс начинался с использования тех же палок и камней, становившихся орудиями труда.

Как пишет Г.А. Машталер, «первым, кто указал на трудовую связь первичных слов с «рытьем» и «копаньем» был П. Грейгер (1872 г.). Позднее более подробно этот вопрос рассмотрел К. Бюхер в своей книге «Работа и ритм». Специальные исследования показали, что первые слова первобытного человека обозначали действие, работу, лишь после ими стали называть орудия труда – камень, палка, молоток, топор и т. д.»[17]. Становление слов членораздельной речи на основе совместного труда протекало чрезвычайно замедленно в течение нескольких миллионов лет.

В прошлом происхождение человека от обезьян признавалось всеми российскими философами. Теперь, в институте философии, где служит член-корреспондент А. В. Смирнов, об этом стараются забыть. В издаваемом им в журнале «Вопросы Философии» последняя статья, упоминавшая Дарвина, опубликована 2009 г., хотя после этого в науке появилось немало заслуживавших изучения новых фактов.

Рассматривая общие закономерности истории, Маркс и Энгельс на редкость точны, изучая их конкретное воплощение, порой делали неверные выводы, исходя из данных неверно проведенных исследований.

В частности, в комментариях к работе Л.Г. Моргана «Древнее общество», опубликованных в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», подобные выводы буквально режут глаз.

Черты периода присвоения корма он приписал вслед за Морганом периоду увеличения его количества на мелководье. Возникли домыслы о социальной структуре первобытного общества в виде суждений о групповом браке, матриархальном и

---

[17] Машталер Г. А. «Диалектика природы» Фридриха Энгельса и современные проблемы биологии М. 1970, С. 61

патриархальном родах, рабовладельческом строе, которых никогда не было.

В то время как российские ученые все еще не оставляют попыток доказать существование таких отношений, у зарубежных ученых другое видение первобытного общества. Примером может служить исследованная К. Тернбуллом жизнь пигмеев мбути в Тропической Африке.[18]

Пигмеи мбути – собиратели корма. Добывать огонь они еще не умели, поэтому хранили тлеющие головешки. Пищу жарили либо запекали в листьях на кострах. Для охоты использовали деревянные, а не металлические наконечники, объясняя это тем, что им приходится стрелять либо на звук, либо на шелест листьев, чтобы ядом убить животное.

В охоте и сборах пригодной для еды растительности участвовало до 30 человек. Четкого разделения труда по половому признаку у них не было. Мужчины занимались охотой, изготовлением охотничьего снаряжения и одежды из коры. Женщины собирали грибы, коренья плоды, готовили еду, плели корзины и сооружали хижины.

Наряду с этим они выполняли ту же работу, что и мужчины – плели сети для ловли животных, участвовали в охоте в качестве загонщиц и т. д. В свою очередь мужчины выполняли работу *женщин – собирали грибы, ягоды. Естественно, что в этих условиях* «не могло возникнуть ни обрядов, ни представлений о профессиональном делении полов.[19]

У мбути биологическое деление по половому признаку проводилось только в отношении родителей, т. е. ограничивались исключительно деторождением. Другого отсчета биологического родства, кроме отца (епа), матери (ема) не было.

Все бабушки и дедушки обозначались одним словом тата, их дети ариап или мокко, внуки – микки. Независимо от кровного происхождения весь коллектив делился по поколениям, среди которых ведущее место занимало среднее поколение, добывавшее для всех корм.

[18] См. Turnbull C. Wayward Servants L. 1965.
[19] Ibid P. 151.

Члены *каждого поколения называли себя сиблингами* – общими детьми следовавшего по старшинству поколения, мужчины и женщины которого считали себя их матерями и отцами. В случае рождения ребенка, как только его отнимали от груди, он мог питаться у любой женщины. Но это обязывало его слушаться каждого взрослого».[20]

Все жители коллектива независимо от кровного родства считались родственниками. Покидавшие свой коллектив, теряя родственные связи с ним, становились родственниками тех, к кому приходили. У мбути, как и у всех жителей первобытных поселений, все отношения принимали форму родства независимо от кровных связей.

Половые связи без деторождения в рамках своей возрастной группы никому не возбранялись. По современным меркам половая зрелость наступала рано – около 12 лет. По ее достижении *подросток подвергался обрезанию* с присвоением имени, свидетельствовавшим о переходе его в среднее поколение, где ему предстояло трудиться и иметь подругу для продолжения рода.

Обрезание в то время не было связано с религией. Производя обрезание каменным ножом, первобытный человек устранял дефект, унаследованный от человекообразных обезьян, имевших когда-то на конце пениса маленькую косточку, покрытую кожей, которая при совокуплении препятствовала полностью обнажать головку полового члена, оплодотворявшего женские яичники.

Ранняя трудовая жизнь подростков обеспечивала выживание первобытных коллективов, где продолжительность жизни составляла примерно два десятка лет. Судя по найденным зубам, из-за пережевывания твердой пищи они рано крошились, и их обладатели не могли ее пережевывать. Умиравших от недоедания съедали.

Исследованные К. Тернбуллом коллективы были более демократичны, чем принято считать, если следовать указаниям Энгельса. Во главе их не было старейшин, власть которых переходила бы по наследству. «Когда группы объединяются, – пишет он, – им не нужно переходящего по наследству

[20] *См. Peoples of Africa P. 302-303.*

централизованного руководства. Производственная кооперация у них не предполагает либо делает излишними любые его формы. В разных сферах труда имеются свои авторитеты. К их предложениям прислушиваются чаще, чем к другим».[21]

Существование таких коллективов зависело от результатов поиска естественного корма. Часто встречавшиеся растения и животные, как и те, кто их искал, считались родственниками. Растения запрещалось рвать, животных преследовать, пользоваться их шкурой. Убийство не нападавшего животного считалось преступлением.

В науке такие растения и животные называют тотемами. Порой их считают наиболее древней разновидностью религии. На наш взгляд, это неверно. К загробной жизни они отношения не имеют. Помогая человеку, они становились участниками совместного труда, в котором всех их, в отличие от чужаков, было принято считать родственниками.

То, что указанным растениям и животным приписывались человеческие свойства, объяснялось не религией, а трудом. «Производство идей, представлений, – по выражению Маркса, – первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальной общение людей, в язык реальной жизни».[22]

Благодаря примитивности труда, связанного с поисками корма, возникли отношения взаимопомощи и выручки, заботы всех о каждом. Никто никого не дискриминировал, никто никого не принуждал. к труду. В условиях ограниченного потребления возник тот самый первобытный коммунизм, о котором в свое время писал Энгельс, ошибочно увязывая его с существованием родового строя.

Переход от сбора естественно росшего корма к его искусственному размножению открыл качественно новую страницу в истории человечества, в которой бескорыстию уже не было места. Производительность труда резко выросла. Избыток продовольствия породил принуждение к труду. Вместо коллективного труда возник труд семейный.

[21] Ibidem

[22] Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология Т. 3. С. 24

В ареале «Алтайской цивилизации» указанный переход совершился сравнительно недавно – в XII веке до нашей эры.

«Где кончается вода, там кончается земля» – гласила новая киргизская поговорка. В южной Киргизии на удобренных илом мелководьях и островах, произрастали в диком виде съедобные растения, среди которых ведущее место занимали рис и масленичный кунжут.

Пока мелководья периодически затоплялись рекой, сбор риса и кунжута оставался собирательством. Лишь с появлением бронзовых топоров и серпов заросли чия и строевой арчи (можжевельника) стали использоваться для сооружения запруд, предохранявших мелководья от разлива рек.

С переходом к размножению растений совместный труд сменился трудом больших семей с разделением труда между мужчинами и женщинами с детьми. Мужчины сооружали запруды, женщины и дети, на мелководьях выращивали рис и кунжут.

Трудовой возраст детей резко снизился. «Маленькие дети, – пишет Г. Кваль, – могли выполнять простые работы по уходу за растениями намного раньше, чем собирать съедобные растения и участвовать в охоте».[23] Под наблюдением матерей они высаживали рассаду риса и сеяли кунжут, из которого выжималось масло для приготовления сладостей. Детский труд требовал личного наблюдения матери, следовательно, и постоянной заботы о здоровье малолетних работников.

В условиях сбора съедобных растений и ловли животных о праздном ребенке заботились все, независимо от того, кто был его кровными родителями. Когда же он с младенческих лет становился работником, потребовалось общественное признание права на его труд женщины, с которой он вместе работал.

Принадлежность ребенка была решена на основе не кровного родства, а совместного труда. Утверждение Энгельса о том, что ребенок стал принадлежать женщине из-за невозможности установления подлинности его отца, было неверным.

По мере роста числа женщин и детей росли площади посевов. Глава большой семьи форсировал этот процесс, заставляя женщин,

[23] Quale G. R. A History of Marriage Systems N. Y. 1988/ P. 59.

трудившихся в его хозяйстве, спать с любым подвластным ему мужчиной. В случае отказа он мог жестоко наказывать каждого из них.

Права и обязанности домочадцев определял глава большой семьи соответственно вкладу в производство, покоившееся на принудительном труде. Его власть везде была неоспорима. «Глава индийской патриархальной семьи, – пишут Г.М. Бонгард-Левин и Г.Ф. Ильин, – обладал деспотической властью. Детьми и другими членами семьи, он мог распоряжаться также свободно, как и всякой другой собственностью».[24]

Доходы главы большой семьи напрямую зависели от численности домочадцев. Потребление зерновых облегчало решение этой задачи. «Даже без молока животного происхождения, потребление зерновых сокращало период грудного кормления, – пишет Дж. Кваль. – Хотя появлялась опасность возникновения грудницы, женщина получила возможность трудиться, в то время как грудничок оставался в люльке. Одновременно сокращался срок противозачаточного эффекта подобно тому, как это бывает при раннем прекращении кормления грудью. Случаи беременности на ранних этапах существования производящих хозяйств возросли в 2-3 раза по сравнению с тем временем, когда женщина занималась поисками подножного корма и помогала охотникам. Рост деторождения всячески поощрялся, поскольку обеспечивал хозяйство дополнительными работниками».[25]

Согласно оценке В. Масона, после перехода к размножению растений и прирученных животных население земного шара выросло в 15 раз.[26] Указанный факт подтверждает скопление жилищ вдоль рек и ручьев, следы которых исследователи обнаружили на территории Европы и Азии.

В ямах жилищ хранился собранный урожай. В частности, в Фергане малые семьи обычно хранили до 4-х центнеров зерна,

[24] Бонгард-Левин Г. М. Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М. 1969. С. 421.

[25] Quale G. R. A History of Marriage Systems....P/ 59/

[26] Массон В. Первые цивилизации. Л. 1989. С. 47.

главы больших семей – до 20 центнеров. В случаях неурожаев часть накопленного зерна они отдавали домочадцам, чтобы они могли выжить.

Время отсутствия нажитого, свойственное эпохе охоты и *собирательства, ушло в прошлое навсегда. Для его защиты* возводились стены высотой до 3,5 м и толщиной 4-6 м.[27] Основным занятием жителей было сельское хозяйство.

Приспособления, при помощи которых возделывалась почва и сооружались запруды, были крайне просты. Они изготовлялись непосредственно в больших семьях. Лишь оружие и украшения для знати делали профессионалы, получавшие за это зерно.

Достаток глав больших семей был неодинаков. Он зависел от надежности запруд и числа трудившихся домочадцев. Располагая большими запасами зерна и скота, владельцы преуспевавших хозяйств переманивали работников менее состоятельных соседей. Для ведения хозяйства им выделяли имущество женщин и детей.

«Опи, – пишет, например, об африканском племени лугбара Дж. Миддлтон, – хорошо известные и богатые люди. У них больше домочадцев, чем у других. В прошлом они обладали очень большой властью и влиянием».[28] Таких же обладателей большего числа домочадцев Уинтер, обнаружил у племени бвамба (Уганда), а Р. и Б. Левины – у племени гузия (Кения), где они назывались абатуретти.[29]

За счет большого числа домочадцев владельцы таких хозяйств создавали свои вооруженные отряды, взимавшие дань с менее удачливых соседей. При удачном стечении обстоятельств они становились царями, которым беспрекословно подчинялись все подданные.

В отличие от простого люда, чьи трупы немедленно сжигались, царей хоронили в глубоких подземельях в сидячем либо лежащем положении. Туда же ставились наполненная пищей богатая утварь, одежды и украшения. Чтобы покойный ни в чем не знал нужды, рядом с ним лежали заживо умерщвленные трупы одетых в

[27] История Киргизии. Т. 1. Фрунзе. 1963. С. 62, 64.

[28] Tribes without Rulers. L. 19588. P. 3 11/

[29] Ibid. P. 27.

лучшие одежды женщин и слуг. В частности, в погребении города Киша, найденном в междуречье Тигра и Евфрата, археологи «вместе с повелителем «нашли коляску вместе с трупами кучеров. Около них лежала упряжь для колесницы и некоторые предметы, среди них медная пила и долото».[30]

Судя по многочисленным раскопкам, исполнение указаний умершего царя считалось первейшей обязанностью подданных. Изображения подчинялись лунному календарю. Восходящая луна означала начало сельскохозяйственных работ, а изображения включали фигуры быков с человеческими головами. Ущербная луна была знаком созревшего урожая. Его изображали в виде фигуры человека вместе с змеей.

Подобные наказы в виде скульптур и барельефов на стенах погребений археологи обнаружили во всех странах Ближнего Востока. Они обозначали дни начала и окончания сельскохозяйственных работ, сбора урожая, нарушителям которых грозили страшные кары.

В эпоху охоты и собирательства считалось, что тотемные растения и животные помогают человеку присваивать корм. В эпоху увеличения его количества им на смену пришла уверенность в том, что умнее человека нет, что он в состоянии заставить всех делать то, что ему нужно. Выражением этого были чудовища с человеческими головами.

Доказывать, что таких животных в природе не бывает, убеждать, что они религиозные идолы, занятие нелепое. Изображаются не сцены загробной жизни, а сцены повседневного труда, показывающие возросшие созидательные способности человека. Писать словами в то время еще не умели. Их заменяли знаки, иероглифы либо изображения несуществующих в природе животных и растений.

После смерти главы большой семьи его власть переходила к старшему родственнику, родство которого утверждалось локальным советом глав больших семей, после чего семье покойного присваивалось его имя с правом голоса в утвердившем его совете.

[30] Церен Э. Библейские холмы. М. 1966. С.125.

Большесемейный порядок наследования был един для всех, включая царей. Но их преемники имели более древнюю генеалогию, чем подчинявшиеся им главы больших семей. В частности, в государстве Ассирия (Месопотамия), существовавшем с XX по VII век до нашей эры, генеалогия основателя династии после его смерти насчитывала 107 царей с точным указанием их деяний и продолжительности жизни. Ее прерывали лишь успешные восстания подданных либо завоевания извне, после чего возникала новая генеалогия, основателем которой был победитель.

В таких случаях в назидание потомкам все пленные подвергались казни. Об этом красноречиво говорят уцелевшие барельефы. «Цари лично сажали людей на кол, детей в присутствии родителей ослепляли, взрослых сжигали на кострах, выставляли на показ в клетках, тащили на веревках, продетых в нижние челюсти, и затем казнили»[31]. В местах их прежнего проживания запрещалось кому-нибудь селиться.

Подобные события происходили редко. В повседневной жизни массовых казней не было. Порождавший богатство труд сказывался на ценности работника. Причинение ему вреда наказывалось. Об этом свидетельствуют, в частности, законы вавилонского царя Хаммурапи. Их тексты начертаны около 1760 г до новой эры на диоритовой стеле высотой 2,25 м., имевшей форму фаллоса – символа роста населения. Написанный клинописью кодекс включал 282 закона, регулировавших жизнь больших семей.

Согласно ему, все нарушения карались по принципу талиона – соответствия наказания причиненному вреду. Первая заповедь кодекса гласила: «Если человек клятвенно обвинил человека в убийстве, но не доказал его, то обвинитель должен быть наказан».[32]

Наказания были суровы: смертная казнь, членовредительство, огромные штрафы с уплатой ячменем. Согласно подсчетам В. А. Гвахария, посеянные на одном гектаре мелководий 85 кг ячменя

[31] Там же С. С. 86.

[32] Хрестоматия по истории Древнего Востока. М. 1963. С. 198.

обеспечивали урожай в 27 центнеров против 22 центнеров, выращенных в современных условиях.[33]

Иногда ячмень замещался серебром. Например, поломавшему руку или ногу виновный обязан был уплатить 20 сиклей (166,2 г.) серебра, поранившему ухо – 12 сиклей (100 г.) серебра.[34] С неплательщиками обращались жестоко: им прокалывали или отрезали уши, губы, пальцы, а иногда даже обливали кипящей смолой лицо.

Женщины карались более сурово, чем мужчины. В частности, требовавшую развода женщину разрешалось утопить. В случае, если она много болтала, мало уделяла внимания дому и плохо воспитывала детей, ее разрешалось бросить в воду.

Неравноправие женщин сказывалось во всем. При вступлении в брак размер выкупа и приданного женщины, определял мужчина. Он же распоряжался всем семейным имуществом.

Среди новоявленных мужей нередко были убийцы либо причинившие увечья, которых сородичи пострадавших отказывались простить. Спасаясь от наказания, они находили убежища в других больших семьях.

За редкими исключениями все домочадцы считались родственниками главы большой семьи. Но они не были рабами, как принято считать российскими историками. У каждого домочадца были свои юридические права и обязанности, порожденные совместным трудом.

Качественно новым этапом его развития стало освоение покрытых травой равнин, где посевы увлажнялись не речными потоками, а выпадавшими дождевыми осадками. Первыми, кто начал осваивать равнины, были кочевники, пасшие скот. Энгельс был неправ, когда писал, что скотоводство предшествовало земледелию.[35] Наоборот, земледелие предшествовало скотоводству. Охота и поиск съедобных растений для выживания

[33] Гвахария В. А. Нерешенные вопросы вавилонской метрологии//Вестник Древней истории. 1959. № 2. С. 206-208.

[34] Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М. 1961. С. 83, 84.

[35] *Энгельс Ф. Диалектика природы....С. 140.*

были ненадежны. Кроме себя человек кормить никого не мог. Лишь с появлением земледелия открылись возможности для приручения животных.

По мере роста их поголовья возникло скотоводство с поисками пастбищ. На Востоке начало ему положили кочевники Китая и Монголии, на Западе кочевники Аравийского полуострова.

Несмотря на отделявшие их громадные расстояния, их жизнь была на редкость одинакова. Пасших скот женщин и детей охраняли мужчины во главе с военным предводителем, избранным советом глав наиболее состоятельных семей. Избрание предводителя всеми воинами (так называемая военная демократия), о которой писал Энгельс, не более чем фантазия.

Проживавшие на завоеванной территории земледельцы и охотники обязывались платить кочевникам дань в виде доли урожая и пушнины. В случае отказа от ее уплаты, селения подвергались разграблениям, сопровождавшимися убийствами жителей. Те, кому удавалось уцелеть, считались пленными. Перед ними стоял выбор либо погибнуть, либо жить по законам победителей, усваивая их обычаи и язык.

В отличие от предшествующей эпохи, когда на месте уничтоженных победителями городов возникала безлюдная пустыня, теперь они превращались в места постоянного проживания победителей.

С прекращением кочевания военные предводители превращались в землевладельцев, а рядовые – в крестьян, хозяйствовавших на покрытой травой земле. Изменившиеся условия потребовали использования новых орудий труда.

На мелководьях пред севом достаточно было рыхлить землю палкой, на покрытых травой равнинах – переворачивать железным плугом дерн. В зависимости от его устройства, дерн клался пластами с расчетом возникновения между ними впадин, поглощавших дождевую воду.[36] В качестве тягловой силы вола сменил конь.

[36] Адкинс Л., Адкинс Р. А. Древняя Греция. Энциклопедический справочник. М. 2008. С. 197.

Переход к плужному земледелию изменил социальный облик сельских поселений. Большесемейная кооперация стала ненужной. Весь цикл сельскохозяйственных работ выполняла семья, состоявшая из мужа, жены и потомства.

На Ближнем Востоке сельское освоение равнин впервые произошло в Палестине в первом тысячелетии до новой эры. Сокращая затраты на содержание воинов, а ими были все здоровые мужчины, царь Соломон наделял их землей, за счет обработки которой они должны были существовать и приобретать оружие.

Доходы у них были разные. В случае неурожая неудачники залезали долги. До возврата долга они продолжали работать на своей земле, переходившей в распоряжение заимодавцев.

Былая армия раздваивалась. Так было везде – в древнем Риме и древней Греции, во Франкском государстве и т.д. Избавляясь от оружия, должники превращались (за исключением периодов списания долгов), в крестьян, обладавших наследственными правами на обработку своих участков. Заимодавцы становились наследственными владельцами земли, на которой трудились крестьяне, превращавшиеся из должников в постоянных плательщиков ренты.

Используя свою власть, землевладельцы заставляли бесправных крестьян трудиться на себя. Производственные отношения когда-то лично свободных кочевников окончательно приняли феодальный вид.

Величина доходов землевладельцев зависела не от размеров принадлежавшей им земли, остававшейся в значительно части не использованной, а от численности трудившихся на ней крестьян. Поэтому в случае стихийных бедствий они за свой счет предоставляли крестьянам все, что нужно было нужно для ведения их хозяйств. По этой же причине они уговаривали крестьян других землевладельцев трудиться в своих вотчинах. Захватнические войны в те годы велись не столько с целью присвоения территорий, сколько с целью иметь большее количество крестьян.

И феодалы, и крестьяне были одинаково заинтересованы в переходе в Юрьев день от одного землевладельца к другому. Прикрепление их к земле, называемое в марксизме «вторым

изданием крепостничества», на деле было первым его изданием, происходившим на стадии разложения феодальных отношений.

Как и в прошлые эпохи, человек с его навыками к труду определял созидательные возможности производственного процесса, *в котором средства производства играли роль* вещественного придатка.

Вместе с феодализмом возникла и соответствовавшая ему религиозная идеология. Ее своеобразие заключалось в том, что, оправдывая царившее на земле неравенство, она обещала посмертную свободу и равенство без от ставшего проклятием принудительного труда.

Утверждение, что Бог отец, сын и святой дух способны изменять, как им заблагорассудится, земную жизнь, тоже отражало земные отношения, в которых судьба каждого зависела от настроения феодала, власть которого по наследству переходила от отца к сыну.

Феодальная идеология впервые в фантастической религиозной форме выразила те самые идеи свободы и равенства, которые сразу же становились требованиями рождавшегося буржуазного общества. «Юридическое мировоззрение буржуазного общества, – пишет Энгельс, – является не чем иным, как теологическим мировоззрением, которому придали светский характер».[37]

В своей работе я нарочно цитирую давно забытые российскими философами высказывания Маркса и Энгельса. С творческим изучением их наследия российским философам после революции не везло. В прошлом они предавали позору тех, кто высказывал сомнения в истинности каждой буквы марксизма, теперь они с не меньшим старанием (в этом деле активно участвует член-корреспондент РАН А.В. Смирнов) отрицают научную ценность написанного Марксом и Энгельсом. И это у них называется наукой!

Между тем, исследования ученых всего мира убедительно показали, что большинство неизвестных ранее фактов не опровергают, а лишь подтверждают основные закономерности, открытые Марксом и Энгельсом. Среди них утверждение об ускоренном и неравномерном развитии человечества.

---

[37] Энгельс Ф. Юридический социализм Т. 21, С.496.

Единственно, кто не понимает этого, все тот же член-корреспондент А.В. Смирнов, считающий себя воспитанником института Востоковедения. Не знаю в этом институте никого, кто, как Смирнов, доказывает превосходство европейской культуры над культурой мусульман. Если первая, по его словам, имеет светское и духовное начало, то у второй оно исключительно духовное. Ему невдомек, что именно естественно научные знания и производственный опыт мусульман гигантски ускорили становление европейского капитализма, создавшего ту самую культуру, которой сегодня восхищается А. В. Смирнов.

Возникший в 7 веке нашей эры на территории Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Юго-Западной Европы Арабский Халифат за короткий срок сумел усвоить все лучшее, что было до этого создано на Востоке.

Халифат намного опережал соседние страны в знании *землемерного дела, мореплавания, организации искусственного* орошения. У него европейцы переняли десятичное исчисление и написание цифр, сведения по астрономии и медицине, заимствовали ветряную мельницу, усовершенствованное водяное колесо, механические часы, научились изготовлять шелковые ткани и бумагу, пользоваться компасом и порохом, научились выращивать неведомые до этого растения: гречиху, рис, абрикосы, арбузы, лимоны, стали есть тростниковый сахар (слово арабское). В сравнении с арабами европейцы в те годы были отсталыми варварами, которым еще предстояло многому учиться у мусульман.

Растущее осознание вклада мусульманской культуры в формирование истоков современной цивилизации и увеличивающаяся роль мусульманского Востока в политическом и социальном развитии человечества сегодня не вызывают сомнения. Лишь член-корреспонденту А.В. Смирнову не дано понять, что без светского начала, обусловленного развитием производства, не может существовать ни один народ.

В начале XII века усвоенные у мусульман достижения светской культуры приносили владельцам мануфактур более высокую прибыль, чем другие ее источники. Зародившиеся вначале в республиках Венеции и Генуи мануфактуры вскоре появились во всех западноевропейских странах. Вместе с мануфактурами

развивался капиталистический рынок, порождавший в ходе своих сделок те самые идеи свободы и равенства, которые раньше существовали только в раю.

«Обмен меновыми стоимостями, – пишет Маркс, – представляет собой производительный, реальный базис всякого равенства и всякой свободы. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями».[38]

В любой товарно-денежной сделке товар продается по согласованной ее участниками цене. При этом каждый из них равен и свободен предлагать за него любую цену. Но на этом их тождество кончается. Один из них выступает в роли обладателя товара, предназначенного не для своего потребления, другой – в роли его будущего потребителя. Производитель и потребитель в сделке разные лица. Возникающее противоречие между производством товара и его потреблением в таких случаях разрешает обмен, в результате которого общественную величину затраченного на него труда определяет обладающий деньгами покупатель.

С точки зрения качества, совершившаяся сделка завершена. Покупатель приобрел нужный для своего потребления товар, продавец – общественный измеритель стоимости – деньги для *покупки товара, предназначенного для личного либо* производственного потребления. Цели каждого из них достигнуты.

С точки зрения количества сделка не закончена. Ее повторение неизбежно, пока породившее потребность производство в состоянии его удовлетворять.

В предшествующую капитализму эпоху подобных противоречий между производством и потреблением не было. То немногое, что предназначалось не для себя, производилось, минуя рынок по заказам потребителя. Нарушители договора строго карались независимо от того, кто был их виновником.

Землевладельцы в то время распоряжались жизнью зависимых крестьян наравне с землей, за счет обработки которой те

---

[38] Макс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46. Ч. 1. С. 240-241.

существовали. Вопросы производства и потребления они без посредников могли решать сами.

С переходом к капитализму производство товара отделилось от его потребления. Производством занимался производитель, его результаты потреблял покупатель. Рынок, подобно гигантской реторте с катализатором в виде рекламы, превращал частные расходы на изготовление товара в общественные, определяя тем самым промежуток времени, необходимый для возобновления производства. Указанный промежуток мог быть мгновенным, тогда производство стремительно развивалось. Если же он становился большим, то либо снижались расходы, либо прекращалось дальнейшее производство. Возникавшие коллизии разрешал платежный спрос покупателей.

В истории науки наиболее точный анализ противоречий, порожденных продажами товаров на рынке, сделали Маркс и Энгельс. Основной их просчет заключался в том, что овеществленный в товаре труд они измеряли средним временем, затраченным производителем на его производство, вместо общественной его оценки деньгами покупателя.

Развернувшиеся по этому вопросу споры не утихают до сих пор. Детали ряда из них изложены в моей работе «Критика марксовой *теории стоимости – дилемма труда и полезности, проблема* прибавочной стоимости»[39].

Коренные изменения процессов труда, менявшие характер производственных отношений, вопреки утверждениям Маркса и Энгельса, протекали как правило стихийно, без революционных потрясений. Растущие прибыли товаровладельцев обеспечивали более высокий уровень жизни их работников, чем хозяйства, в которых они трудились раньше.

С развитием капитализма наступил конец существованию крестьян, трудившихся на господской земле. Порожденные рынком потребности разоряли их, вынуждали искать работу по найму. Конкурировать с наймом принудительный труд не мог.

---

[39] Иванов М. Ю. Критика марксовой теории стоимости: дилемма труда и полезности, проблема прибавочной стоимости//Иванов Ю. М. Социализм каков есть. М. 2003.

Доходы феодалов падали. Чтобы компенсировать убытки, они увеличивали поборы, препятствовавшие крестьянам уходить из своих приходивших в упадок хозяйств. Возник дефицит продовольствия, от которого больше всего страдали жители городов.

Распутать клубок нараставших противоречий могла только борьба за власть. Феодалы в ней опирались на поддержку церкви и привычку крестьян трудиться в своих хозяйствах, буржуазия – на ненависть населения к разорявшим страну феодальным порядкам. К ней примыкала и часть феодалов, для которых наемный труд стал более выгоден, чем принуждение крестьян.

В связи с этим на западе Европы борьба за власть протекала двояко: путем эволюционного становления буржуазного государства, либо его рождения, что было редко в ходе революционных переворотов. И в том, и в другом случае рожденное буржуазией государство еще долгое время сохраняло печать поверженной феодальной эпохи.

Исключение составила Великая французская буржуазная революция 1789-1794 г.г., утвердившая «Декларацию человека и гражданина», в которой без компромиссов впервые в мире были изложены основные права частных товаровладельцев. *Впоследствии их явно и тайно претворяла в жизнь буржуазия всего* мира.

Права Декларации включали презумпцию невиновности, свободный обмен мыслями и убеждениями, разрешение лично и через своих представителей определять размер налогов, следить за их использованием, вносить и отклонять законопроекты, требовать отчета у каждого должностного лица, а также право каждого иметь свою собственность. Тем самым вопреки своему кровавому рождению (штурм Бастилии) Декларация открыла путь для постепенной эволюции буржуазного общества, решающая роль в которой принадлежала рынку.

«В капиталистическом обществе, – писал Маркс, – отдельные частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Благодаря рыночному обмену вещные отношения сами помимо воли людей

стихийно корректируют юридические нормы производства производственных связей, внося изменения в разделение труда и имущественные отношения и т. д. соответственно нуждам производства».[40]

Вне прав Декларации остались безработные городов и разоренные жители деревни, которым кроме себя нечего было продавать. Единственным спасением для них была работа на мануфактурах. Отсутствие у них профессиональных навыков лишь облегчало поиски работы. Мануфактуры нуждались в таких работниках, которые могли, не задумываясь, ритмично передвигать руками и ногами. Любые размышления во время работы лишь замедляли производственный процесс.

Противоположность между управлением производством и физическим трудом в мануфактурах достигала крайних пределов. «Капиталист по отношению к отдельному рабочему, – писал Маркс, – представлял собою единство и волю общественно-трудового дела. Сила размышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать определенным образом рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого».[41]

Знание мануфактурного производства воплощал его владелец, бессмысленный физический труд – наемный рабочий. Противостоять владельцу заведения рабочий не мог. Любой протест заканчивался немедленным увольнением, когда его место хотели занять множество безработных. Владельцы мануфактур этим пользовались, снижая заработки рабочих до минимального уровня.

Сокращение до минимума оплаты труда рабочего Маркс и Энгельс считали ведущей тенденцией капиталистического производства. Не изменили они своего убеждения и тогда, когда на смену мануфактуре пришли первые фабрики. В 1847 г. Маркс по этому поводу писал: «Начиная с 1825 г. почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами стремились обесценить специальную подготовку рабочих. Труд на фабрике

[40] Маркс К. Капитал Т. 23 С. 83.

[41] Маркс К. Капитал Т. 1. ...С. 369.

характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности».[42]

Через десять лет Маркс убедился в том, что капиталисты заинтересованы в повышении платежеспособного спроса, а следовательно, и жизненного уровня рабочих. В связи с этим он писал: «Хотя всякий капиталист и требует, чтобы его рабочие делали сбережения (экономили на своем потреблении – Ю. И.), но он требует, чтобы это делали только его рабочие, ибо они противостоят ему в качестве потребителей. Поэтому вопреки всем «благочестивым» фразам капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать их потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д.».[43]

Подобные соображения означали отказ от утверждения того, что капиталисты всегда заинтересованы лишь в снижении оплаты труда. Но Маркс такого отказа не сделал. Наиболее распространенными отраслями в то время были те, где использовался преимущественно неквалифицированный ручной труд. Широкие массы бедствовали.

Рост жизненного уровня Маркс и Энгельс считали чертой присущей только немногочисленным фабричным рабочим, которые, по их убеждению, выглядели привилегированными на фоне бед всего рабочего класса.

В связи с этим Энгельс писал: «Длительное улучшение мы находим только в положении двух привилегированных категорий рабочего класса. К первой категории принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление *для них относительно* рациональных границ нормального рабочего дня восстановило до известной степени их физическое состояние и дало им моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в определенной местности. Вторую составляют крупные тред-юнионы. Им удалось

[42] Маркс К. Нищета философии Т. 4. С. 157, 160.

[43] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов Т. 46. Ч 1. С.240-241.

добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным».[44]

Хотя тред-юнионы отстаивали интересы фабричных рабочих, вели от их имени переговоры с предпринимателями, *организовывали забастовки, Маркс и Энгельс полагали,* что с повышением зарплаты и те, и другие теряли способность свергать капитализм. Подлинными революционерами они считали «не имевших профсоюзов разнорабочих, зарплата которых стремилась к нулю».[45]

Между тем, как позднее показали события, подъем жизненного уровня всего населения решался не за пределами капитализма, а в его рамках. Величайшая заслуга Маркса и Энгельса заключалась в том, что они первыми предсказали контуры будущего общества, которые приоткрыл фабричный капитал. Анализ его трансформации оказался на много точнее анализа тенденций развития капитализма.

В отличие от мануфактур, где размеры производства зависели от численности рабочих, на фабриках уровень производства определяли машины, к работе которых приспосабливались рабочие, регулировавшие их ритм. «Когда рабочая машина, – пишет Маркс, – выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала без содействия человека, и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, поддается дальнейшему совершенствованию в деталях».[46]

Чем больше росла сложность машины, тем больше росло умение рабочего регулировать ее ритм. В погоне за увеличением прибыли капиталист сознательно увеличивал стоимость рабочей силы рабочих, контролировавших работу машин. То, что раньше казалось несовместимым – одновременный рост прибыли и зарплаты работников, на фабрике становилось обыденностью.

---

[44] Энгельс Ф. Предисловие ко 2-му нем. Изданию «Положения рабочего класса в Англии. Т. 22 С. 335-336.

[45] Там же.

[46] Маркс К. Капитал Т. 1...С. 387.

Первым, кто отметил эту особенность фабричного труда, был Маркс. «В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства, – писал он, – капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей рабочего, и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и потреблении, и труд, который выступает поэтому уже, не как труд, а как полное развитие самой самодеятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на месте обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически».[47]

С появлением машин созидательные способности капитализма гигантски выросли. Если раньше в погоне за прибылью капиталист сознательно уродовал рабочего, обрекая его на бессмысленный труд, то теперь он стал заинтересованным в развитии интеллекта рабочего.

В условиях роста доходов владельцев частного капитала исчезала бедность непосредственных производителей, которая раньше была неизменным спутником всякого производства

Способность капитала поднимать жизненный уровень своих работников уже давно не вызывает сомнения. Один из ярких показателей – радикальное улучшение их жилищных условий. «То, как удовлетворяется потребность в жилье, – подчеркивает Энгельс, – может служить мерилом того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих».[48] В Западной Европе и США, например, еще накануне Первой Мировой войны фабричные рабочие жили в отдельных квартирах, оборудованных всеми коммунальными удобствами. Сегодня такая жизнь уже давно стала обыденной даже в странах, считавшихся раньше отсталыми. Взять, например, Индию. Что касается стран с развитой рыночной экономикой, то там даже мигранты живут в отдельных квартирах со всеми удобствами. Общежитий, бараков и ветхих жилищ, лишенных коммунальных удобств, там попросту нет.

---

[47] Маркс К. Экономические рукописи 1857=1859 гг. С. 282.

[48] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии Т 2 С. 302

В работах Маркса факты улучшения жизни рабочих поминаются редко. Вместо них широко использованы материалы буржуазной прессы о случаях незаконных работ на фабриках женщин и детей, нарушениях установленных законом продолжительности рабочего дня, порядка выплаты зарплаты и т. д. Подлинность этих материалов не вызвала сомнения. Однако к появлению их побуждала не столько забота об улучшении жизни фабричных рабочих, сколько забота о прекращении незаконного сокращения платежного спроса. Посредством таких публикаций, кончавшихся нередко судебными разбирательствами, буржуазная пресса гарантировала получение причитающейся прибыли владельцами всех фабрик, которых Маркс и Энгельс считали виновниками страданий рабочих.

С точки зрения предстоявшего уничтожения частного предпринимательства Энгельс оценивал и возникший в его годы акционерный капитал. «Что представляет собой частное капиталистическое производство? – пишет он. – Производство, которое ведется отдельным предпринимателем; а ведь оно все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами – это уже больше не частное производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности».[49]

В связи с этим он утверждал, что в акционерных компаниях созданы все предпосылки для их национализации. «Социальная функция управления, – писал он, – перешла в них от капиталиста в руки получающих заработную плату служащих, а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять.[50]

---

[49] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 234.

[50] Энгельс Ф. Общественные классы необходимы и излишние С. 298-299

Сказанное Энгельсом неверно. Производством акционерных обществ распоряжаются не получающие зарплату служащие, а избираемые акционерами менеджеры, доказавшие свою способность увеличивать прибыль вместе с зарплатой рабочих.

Последовавшие события показали, что там, где производством управляют «получающие зарплату служащие», исчезают экономические стимулы, им на смену приходит принуждение к труду. прикрепленных к рабочему месту работников. Пользуясь этим, им снижали зарплату до самого низкого уровня.

При капитализме им жилось несравненно лучше, чем в возникавших на его развалинах государствах, где в производстве под видом найма использовался рабский труд, причинявший такие страдания, которых человечество до этого не знало. Инициаторами создания таких государств были не рабочие, а отвыкшие трудиться *деклассированные массы, мечтавшие об одном – присваивать себе* общественные доходы. В России их возглавил Ленин, в Германии – Гитлер, в Китае – Мао Цзэдун и т. д.

Несовместимость рабского труда с индустриальным производством компенсировали грабительские войны, неизбежным спутником которых был оголтелый милитаризм. Развязанная фашистской Германией и советской Россией Вторая Мировая война породила череду завоевательных войн, кончавшихся неизменными победами участвовавших в них капиталистических стран.

За последние годы капиталистическое производство претерпело новые радикальные изменения. Зарплата занятых в нем рабочих настолько выросла, что замена ручной регулировки машин автоматикой стала приносить прибыль. С использованием автоматики возникли качественно новые производственные отношения, которые принято называть постиндустриальными.

Если раньше главным двигателем прогресса была машина, то теперь не ее сложность определяет уровень зарплаты работника, а уровень зарплаты работника определяет сложность автоматических механизмов, которые производят продукцию несравненно быстрее и качественней, чем рука человека, регулирующая механизм.

Отныне не стоимость средств производства диктует его размеры, а нужды производителей. Причинявший в прошлом страдания труд окончательно стал гуманным.

Резко выросшая производительность труда, реализуя безграничные созидательные способности частного капитала, гарантирует всему человечеству избавление от нищеты и сопутствующих ей бедствий.

Единственно, что препятствует этому, – такие страны как современная Россия с ее громадным военным производством и многочисленными силовыми структурами. Связанные с ними затраты несовместимы с ростом производства материальных благ, *предназначенных для удовлетворения нужд населения.* «Солдаты, – указывает Маркс, – непроизводительные работники, которые сами ничего не производят – ни в области духовного, ни в области материального производства и только вследствие недостатков социальной структуры оказываются полезными и необходимыми».[51] Военнослужащие действительно ничего не производят. Они предназначены лишь для защиты государства, которое их содержит.

Пока сражения не выходили за рамки рукопашного боя, боеспособность армии определялась численностью людского состава. Непроизводительные затраты на ее содержание сводились главным образом к приобретению военной формы, что мало сказывалось на жизненном уровне населения. Позднее, по мере роста убойной мощи оружия, возрастала его стоимость, ставшая сегодня главной статьей армейских расходов, что бедственно сказывается на жизни того самого населения, которое его создает.

Нынешнее противостояние с Западом лишь форсирует их рост. Выступая 10 ноября 2015 г., Президент России В. Путин заявил: «Россия примет ответные меры по укреплению стратегического потенциала ядерных сил в связи с развертыванием ПРО США». Подобные заявления, подкрепленные соответствующими мерами, неоднократно повторялись как в прошлом, так и в этом году.

[51] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1858 гг. Т. 46., С. 283.

Непроизводительные военные расходы России неудержимо растут. Производство жизненных благ для населения сокращается. По уровню жизни страна занимает одно из последних мест в мире.

Между тем, военные расходы помимо того, что они непосильны, все более становятся ненужными. Нападать на территорию Российской Федерации в границах Бориса Ельцина никто не собирается. Военное вмешательство в дела иностранных государств под флагом защиты проживающих там русских для них не нужно. Проживать в условия российской бедности они не хотят.

Но дело не только в этом. В военном противостоянии с Западом поражение России неотвратимо. Причина – нарастающая бедность производителей оружия, препятствующая переходу к его производству с помощью автоматов. Любые попытки их массового использования мгновенно разорят страну.

Если раньше автоматические устройства мы выборочно (не в *массовом порядке) приобретали за счет экспорта сырья, то теперь* возможности приобретать их из-за санкций и низких сырьевых цен чрезвычайно сузились. Покупать их за счет экспорта оружия с каждым годом становится все труднее. Его дешевизна не может перевесить снижающегося качества в сравнении с продукцией конкурентов.

Надвигающаяся катастрофа неотвратима. Приоритет развития военного производства отодвигает подъем жизненного уровня населения на неопределенное будущее. Нарастающие попытки его улучшить упираются в недостаток государственных средств, львиную долю которых поглощает военное производство.

Президент лично занимается устранением недостатков, ухудшающих жизнь населения. Его зеленая папка вскрывает в регионах такое множество нарушающих федеральные законы поборов, что становиться стыдно за нашу страну.

Хотя эти поборы капля в море бед населения, и их устранением занимается сам Президент, региональные власти оказывают упорное сопротивление выполнению его указаний, обещая устранять недостатки в будущем.

В условиях нарастающей бедности населения устаревающее военное производство неумолимо продолжает наращивать выпуск *своей продукции, разоряющий страну. Единственный выход* – прекращение военного противостояния с Западом и защита

национальных интересов Российской Федерации в границах Бориса Ельцина.

В этой связи невольно вспоминаются пророческие слова Энгельса, сказанные, кстати, о России: «История, – писал он, – самая жестокая из богинь, ведущая свою колесницу через гору трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития. А мы, люди, к несчастью так глупы, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые представляются почти непомерными».[52]

Haec habui, quae dixi (Сказал, что хотел сказать).

Следуя заветам Маркса и Энгельса, логически излагал исторический процесс в теоретически последовательной форме

2 августа 2017 г.

---

[52] Энгельс Ф. Письмо Николаю Францевичу Даниэльсону в Петербург Т. 39. С. 35.

Для заметок